

Глава 20. Финал. Отражение луны и цветы в зеркале — всё лишь пустота

Договорив, Байфэн уставилась на Сэймэя взглядом, полным ядовитой злобы.

— Слова принцессы я передала, — процедила она. — Но пришла я сюда ради одного — убить тебя и отомстить за госпожу. Принцесса всегда говорила, что я тебе не соперница, но мне плевать. Ты тоже можешь убить меня, и тогда я последую за ней. Прими же смерть, Абэ-но Сэймэй!

В руке Байфэн из пустоты соткался сверкающий меч, и она яростно устремила вперёд, целясь противнику прямо в грудь.

— Пстой! Не вынуждай меня, — мягко произнёс Сэймэй. — Я правда не хочу вредить сикигами принцессы Юймё.

— К чёрту пустые речи! — воскликнула она. — Я, Байфэн, разделю с принцессой и жизнь, и смерть! Абэ-но Сэймэй, довольно слов! Умри!

С этими словами Байфэн взмахнула мечом, обрушивая на него удар за ударом.

Сэймэй легко уклонился, скользнув в сторону. Байфэн мгновенно развернула клинок и снова бросилась в атаку. Он ловко лавировал среди свистящей стали, так и не сделав ни единой попытки ударить в ответ.

— Хозяин! Берегитесь! Её меч невероятно быстр! — испуганно вскрикнула Мицумуси.

— Ещё бы! — яростно отозвалась Байфэн, её клинок расчертил воздух подобно урагану. — Этому стилю — Мечу Свободного Скитания — меня обучила сама принцесса! Чтобы одолеть жалкого онмёдзи из захолустной страны Фусо, его хватит с лихвой!

— Какая упрямая сикигами, — вздохнул Сэймэй.

Он легко качнулся в сторону, неуловимым движением проскользнул дёве за спину и аккуратно прикрепил к её рукаву бумажный амулет с пятиконечной звездой.

Руку Байфэн мгновенно свело судорогой, пальцы бессильно разжались. Меч выпал, и девушка, пошатнувшись, рухнула на землю.

— Принцесса, — прошептала она, — ваша верная Байфэн ни на что не годна. Я не смогла отомстить за вас... Позвольте мне последовать за вашей чистой душой!

С этими словами она перехватила упавший клинок, направляя остриё к собственному горлу.

— Стой! — отчаянно вскрикнула Мицумуси.

Она схватила парчовую шкатулку и швырнула её в Байфэн. Шкатулка точно угодила по эфесу, выбив оружие из рук сикигами.

Ларец отлетел в сторону, крышка его распахнулась, и на пол выпал аккуратно сложенный лист бумаги.

Сэймэй наклонился и поднял послание. На плотной бумаге изящным почерком было выведено: «Господину Абэ-но Сэймэю лично в руки. С глубоким почтением, Ли Сюаньюй».

— Ли Сюаньюй? — вслух раздумывал он. — Неужели... это она?

— Хозяин, в шкатулке было письмо! — удивлённо воскликнула Мицумуси. — Отправитель зовётся Ли Сюаньюй. Должно быть, это тот почтенный старец, что принёс ларец? Вы и правда не знаете, кто это?

Сэймэй тихо, но залиvistо рассмеялся, ласково глядя на верную помощницу.

— Ах, эта проказница... Вечно она в своём репертуаре. Заставила меня проливать пустые слёзы! Под именем Ли Сюаньюй скрывается не кто иной, как сама принцесса Мёки.

— Но господин, разве принцесса не мертва? — растерялась Мицумуси. — Да и принёс шкатулку пожилой мужчина.

Байфэн злобно усмехнулась с земли:

— Абэ-но Сэймэй, прекрати заговаривать нам зубы! Убей меня уже наконец! Клянусь, пока во мне теплится хоть капля жизни, я не оставлю попыток прикончить тебя!

Сэймэй мягко улыбнулся и бережно помог Байфэн подняться.

— Принцесса Мёки давно овладела Техникой Смены Образов, так что обернуться дряхлым старцем для неё — сущий пустяк. Если я всё правильно понял, её мнимая кончина — лишь изящный трюк бессмертных. Уверен, в гроб положили лишь её флейту из изумрудного нефрита, тогда как сама она освободилась от бременной плоти и вознеслась, став Земной Бессмертной.

— Вздор! — воскликнула Байфэн. — Госпожу хоронили с флейтой Цинлуань в руках! Как могло

получиться так, что в гробу осталась лишь Цинлуань, а сама принцесса исчезла?

Сэймэй покачал головой и усмехнулся:

— Принцесса Юймё просто воспользовалась этим предложением, чтобы навсегда покинуть суетный мир. Разгадка проста: имя Сюаньюй — это та же Юймё. Лишившись духа Обители кошек, она взамен постигла тайнства Дао. Иероглиф «Мё» олицетворял её кошачью суть, а сменивший его «Сюань» ознаменовал обретение истинного учения. Тот, кто совершенствует дух, не теряет себя: пока крепка душа, искры истинного разума сольются воедино. Кем бы ты ни был в прошлых воплощениях и кем бы ни стал теперь — ты всегда остаёшься собой.

Байфэн растерялась.

— Неужели это правда?.. — пробормотала она дрожащим голосом. — Моя госпожа... жива?

Сэймэй вместо ответа лишь тепло взглянул на девушку и бережно развернул письмо.

На плотной белой бумаге ровными рядами тянулись изящные иероглифы скорописи:

«Господин Сэймэй, наши мирские узы подошли к концу, и едва ли нам суждено увидеться вновь. Человеческая жизнь подобна зыбкому сну, пролетающему как единый миг среди вечности. Пусть я утратила духовную силу божества кошек, но взамен познала великое таинство бессмертных.

Смешны мне люди с их вечным страхом потерь и жадой приобретений, ведь они не ведают, что обрётённое и утраченное — суть грани единого непостоянства.

Лишь обрета истинное просветление, я осознала: труднее всего в жизни — отречься. От роскоши и знатности, от хмельного дурмана, похоти и гнева.

Ныне я обрела освобождение и вошла в сонм Земных Бессмертных. Хотя вы и вольны предаваться праздности, помните: земная плоть уязвима и полна страданий. Заклинаю вас, не задерживайтесь в мире пыли слишком долго. Верю, вы рождены для большего, нежели влачить земные дни; придёт срок, и ваша чистая душа воссоединится с предвечным союзом богов.

Посылаю вам этот малый дар — мою флейту из белого нефрита, Байфэн. Умоляю вас наставить её на верный путь, дабы смятенное её сердце не совершило с пути праведного и не пало во тьму демонов. Ваш старый друг из державы Великой Тан — Ли Сюаньюй кланяется вам».

Слёзы беззвучно покатались по щекам Байфэн. В её душе смешались облегчение и щемящая тоска.

— Какое счастье... Госпожа жива, она ступила на стезю бессмертных! Но... почему? Почему она оставила меня?

Мицумуси ласково приблизилась к ней и осторожно смахнула слезинки с её лица.

Сэймэй жестом велел помощнице усадить гостью поудобнее, а сам неторопливо заговорил:

— Дева Байфэн, ведомо ли тебе, что путь самосовершенствования ведёт к пяти ступеням бессмертия? Есть бессмертные призрачные, человеческие, земные, божественные и небесные.

— И принцесса Мёки стала Земной Бессмертной, верно, хозяин? — спросила Мицумуси.

Сэймэй кивнул:

— Прибыв в Хэйан-кё, она уже была Человеческой Бессмертной, однако этот чин не освобождает от земных тягот. Ныне же Ли Сюаньюй обрела земное бессмертие. И пусть ей пока недоступны высочайшие небесные чертоги, отныне она вольна странствовать по всему свету, вкушая истинную свободу.

— А как же... Цинлуань? — тихо спросила Байфэн. — Что станет с ней?

— Её сердце свободно от привязанностей, и совсем скоро принцесса причислит её к сонму бессмертных сущностей. Твой же разум по-прежнему омрачён мирскими заботами. Именно поэтому ты не способна постичь замысел госпожи. Оставайся пока у меня, попробуй во всём разобраться без спешки.

Байфэн глубоко вздохнула и горько, беззащитно улыбнулась:

— Теперь я понимаю. Спасибо вам, господин Абэ. Любовь и ненависть — лишь дым, тающий на ветру. Из-за глупой привязанности своего сердца я сама лишила себя возможности следовать за госпожой. Мой человеческий разум слишком несовершенен... Позвольте мне вновь стать безмолвной флейтой.

Стоило ей договорить, как её фигура растаяла в воздухе, и на деревянный пол с мягким чистым стуком упала флейта из белого нефрита.

Сэймэй бережно поднял её, уложил обратно в парчовую шкатулку и тихо вздохнул:

— Да уж... Принцесса Юймёа воистину удивительная женщина.

Обитель бессмертных за пределами трех миров

Священные горы высились над суетными мирами, окутанные клубами благовонного дыма и сияющими облаками.

В самом сердце Павильона Пурпурных облаков, чинно восседая со скрещенными ногами, преподобный Минхуэй ласково улыбался. По обе стороны от его возвышения замерли двенадцать старших учеников.

— Учитель, — почтительно склонился в поклоне ученик, стоявший слева, — позвольте спросить, чему вы так благостно улыбаетесь?

— Сюаньцин, — отозвался преподобный Минхуэй, — ведомо ли тебе, что сегодня Сюаньюй завершила свой путь среди Человеческих Бессмертных и ступила на ступень Бессмертия Земного? Я как раз собирался отправить вестников, чтобы встретить её у врат обители.

— Сюаньюй? — подал голос ученик справа, также склоняясь в глубоком поклоне. — Та самая, кого вы недавно приняли в ученики последней? Неужели за столь краткий срок она сумела достичь таких высот?

— Сюаньцзин, её приход и впрямь может показаться поспешным, — молвил наставник. — Но коль скоро истина ею постигнута, к чему томиться в мире праха?

— Благодарим за наставление, учитель, — хором отозвались ученики, преклонив колени.

— Сюаньцин, Сюаньцзин, немедля пошлите верных послушников встретить Сюаньюй и проводить её в Павильон Пурпурных облаков, дабы она могла вкусить истинного учения.

— Будет исполнено, учитель, — поклонились оба.

Сюаньцин и Сюаньцзин тотчас выбрали по одному из своих лучших учеников и отправили их к границам обители.

Вскоре двое юных даосов вернулись и, пав ниц перед патриархом, доложили:

— Великий учитель, мы долго ждали у рубежей, но младший наставник так и не явился.

— Неужели никто не пытался пройти? — добродушно прищурился Минхуэй.

— Хранитель предков, — заговорил второй послушник, — у границ появилась лишь одна женщина в пышных одеждах принцессы, увенчанная фениксовой короной и окутанная алой

накидкой. Она упрямо требует встречи с вами. Мы преградили ей путь и ждём вашего решения.

— Минчжэнь, Минсин, это и есть ваша младшая наставница Сюаньюй, а вы заперли перед ней двери, — рассмеялся старец. — Впрочем, ваших скромных сил всё равно не хватило бы, чтобы удержать её. Она уже здесь.

Юноши удивлённо оглянулись.

По залу неторопливой, исполненной величия поступью шла принцесса Мёки. Облачённая в парадные царственные одежды, она приблизилась к возвышению и склонилась перед преподобным Минхуэем в глубоком поклоне.

— Ученица Ли Сюаньюй приветствует вас, учитель.

Широкие рукава и тяжёлые полы её танского платья веером рассыпались по полу, замирая у её ног.

— Прекрасно, Сюаньюй, — ласково молвил преподобный Минхуэй. — Через три дня, когда звёзды сойдутся в священном Пурпурном Чертоге, я проведу для тебя обряд посвящения в духовный сан.

— Благодарю вас за великую милость, учитель, — ответила Мёки.

— Я дарую тебе священное одеяние для защиты духа и венчик-сметку, дабы ты могла очищать разум от мирской пыли.

— Ученица с благоговением принимает ваши дары.

Она почтительно протянула ладони и приняла ритуальное облачение и венчик-сметку.

Преподобный Минхуэй провёл ладонью по своему венчику, выдернул два тонких шёлковых волокна и легко подбросил их вверх.

Стоило им коснуться ветра, как они обратились юными послушницами в скромных даосских одеждах, вставшими по обе стороны от патриарха.

— Сюаньюй, поскольку Цинлуань и Байфэн не смогли последовать за тобой, я дарую тебе этих девиц, дабы они исполняли твою волю.

— Премного благодарна, учитель. Моё брренное тело осталось в прошлом. Цинлуань послужила

моим земным двойником во время освобождения от плоти; через сорок девять дней её дух очистится, и она обретёт бессмертие. Сердце же Байфэн слишком сковано земными страстями, и я отправила её в Хэйан-кё к онмёдзи Абэ-но Сэймёю. Пусть пройдёт испытание миром людей. Лишь когда она отринет пустую привязанность, я смогу забрать её к себе.

— Всё сущее есть цепь причин и следствий, — вздохнул патриарх. — Сюаньюй, ты переступила порог вечности, но обрядилась в эти пышные мирские шелка. Пусть ты и обрела бессмертие, твоё сердце ещё не полностью очистилось от налёта суетной роскоши. Ступай же немедленно к Пруды Чистого Недеяния. Омойся в его священных водах, оставь позади прах земного тщеславия, и лишь тогда возвращайся внимать учению Дао.

— Да будет так, учитель, — поклонилась Мёки.

Послушницы увлекли её за собой к сияющему пруду.

Преподобный Минхуэй прикрыл глаза и погрузился в безмолвное созерцание, мягко поглаживая длинную белоснежную бороду. Его ученики тем временем начали переглядываться, безмолвно споря о чём-то.

— Что смущает ваши умы? — не открывая глаз, спросил наставник.

— Позвольте спросить, учитель, — обратился Сюаньцин. — Нам всем не даёт покоя одно сомнение.

Старец мягко улыбнулся:

— Что же это?

— Почему вы никогда не упоминали, что наш младший соученик Сюаньюй принадлежит к женскому началу? — решился спросить Сюаньцин.

— В мире чётко разграничены небо и земля, инь и ян, — спокойно ответил Минхуэй. — Но вы сами оказались слепы к истинной природе вещей. Сюаньюй — принцесса великой Тан, а значит, её природа — женская.

— Но учитель, — возразил Сюаньцин, — в прошлый раз, когда Сюаньюй посещала нашу обитель, она предстала в облике прекрасного юноши в белом одеянии с нефритовой флейтой в руках. Потому никто из нас и не заподозрил, что она — дева.

— Мирские взоры легко затуманить внешней видимостью, — отозвался Минхуэй. — Однако истина и ложь, мужское и женское, правое и виноватое — есть ли между ними разница для того, кто зрит суть? В этом Сюаньюй превзошла вас в понимании.

— Учитель, — вновь спросил Сюаньцзин, — когда младший соученик в прошлый раз молил вас об обряде посвящения, вы раз за разом отказывали. Теперь же она и слова не проронила об этом, а вы сами назначили день. Почему?

— Всё рождается из причин-следствий и в них же угасает. Все образы иллюзорны, все тела пусты. О, Безмерный Небесный Владыка...

— О, Безмерный Небесный Владыка, — хором повторили ученики, склонившись в земном поклоне. — Благодарим за мудрость, учитель.

В этот миг в Павильон Пурпурных облаков вернулась Мёки. На ней была белоснежная шапка вольного странника, такое же белое даосское одеяние, а в руках она держала венчик-сметку. Обликом своим она теперь ничем не напоминала мирскую женщину — чистая, отрешённая от суеты бессмертная сущность. Она чинно приблизилась и совершила земной поклон перед наставником.

— Ученица Ли Сюаньюй приветствует вас, учитель.

— Встань, — мягко произнёс Минхуэй. — Отныне кошачий дух Мёки и принцесса великой Тан остались в прошлом. Есть лишь Земная Бессмертная Ли Сюаньюй. Поприветствуй же своих старших соучеников.

— Слушаюсь, учитель. — Сюаньюй повернулась к остальным даосам и вежливо склонилась, сложив руки перед грудью. — Сюаньюй приветствует старших братьев.

— Не стоит церемоний, младший соученик, — дружно ответили те, возвращая приветствие глубокими поклонами.

— Сюаньюй, прилежно учись под моим кровом и крепи свой дух, дабы поскорее войти в великий союз богов, — напутствовал Минхуэй.

— Обещаю свято блюсти ваши заветы, учитель, — поклонилась она.

Тихой лунной ночью преподобный Минхуэй сидел в саду, увлечённо расставляя камни на доске для игры в го. Сюаньюй стояла подле него, не решаясь заговорить.

— Сюаньюй, я вижу сомнение в твоём сердце. О чём ты хочешь спросить? — не отрываясь от игры, спросил старец.

— Учитель, повинуюсь вашей воле, я омылась в Пруд Чистого Недеяния, чтобы смыть земные

узы. Но когда я собралась облачиться в дарованное вами священное одеяние, на моём теле само собой возникло иное платье — белоснежное, тонкое, словно крыло цикады, и лёгкое, как шёлковая нить. Снять его невозможно, и мне пришлось надеть ваше облачение поверх него. Но ведь я никогда раньше не носила ничего подобного! Может быть... это кара за то, что в Хэйанкё я пригубила вина из чаши Абэ-но Сэймэя и нарушила запрет на хмельное? Неужели теперь мне закрыт путь к полному освобождению?

Преподобный Минхуэй тихо вздохнул.

— Сюаньюй, эта тонкая одежда — твоё Одеяние запечатывания. Даже моих сил недостаточно, чтобы совлечь его с тебя. Тебе предстоит пройти долгий путь самосовершенствования. Лишь когда ты обретёшь ранг Божественного Бессмертного и сама твоя суть обратится в чистейший бесформенный дух, это одеяние спадёт само собой.

— Одеяние запечатывания? — растерялась она. — Учитель, я не понимаю. Прошу, пролейте свет на эту тайну.

— Пути Небес неисповедимы и сокрыты от смертных умов, — мягко покачал головой наставник.

— Но как же мне достичь высот Божественного Бессмертного и вкусить истинной свободы?

— Когда ты совершишь три тысячи великих деяний во имя добродетели, тогда и обретёшь тело Божественного Бессмертного.

— Три тысячи заслуг?... — эхом отозвалась Сюаньюй.

— Что такое? Напугана столь великим числом?

— Вовсе нет, учитель. Творить благо — долг каждого, кто ищет истину, ибо сие несёт спасение и миру, и собственной душе. Я свято исполню ваш наказ.

— Однако помни, Сюаньюй, — старец погладил бороду и хитро прищурился. — Пригубив вина из чаши Абэ-но Сэймэя, ты навек связала с ним нити своей судьбы и крови. Отныне твой путь к высшему просветлению будет преграждён незримыми путами. Увы, такова воля Небес, коей никто не в силах противостоять. Запомни: ни горести, ни радости не приходят сами по себе — человек сам призывает их в свой дом.

— Учитель... — Сюаньюй хотела было расспросить подробнее, но силуэт старца вдруг растаял, обратившись облаком золотых искр, унёсшихся в небесную высь.

Вокруг раскинулась безмолвная, величественная тишина священных гор, и лишь Сюаньюй стояла посреди сада, погружённая в глубокие раздумья.

Хэйан-кё. Усадьба Абэ-но Сэймэя

Сэймэй полулежал на деревянной галерее, устремив задумчивый взгляд куда-то вдаль, словно мыслями унёсся далеко за пределы этого мира.

Хиромаса, сидевший напротив, долго и молча разглядывал друга, а затем вдруг негромко рассмеялся.

— Знаешь, Сэймэй, я ведь выучил одно стихотворение о вине из великой Тан, — похвастался он.
— Хочешь, прочту?

Сэймэй лениво перевёл на него взгляд и улыбнулся:

— Надо же, Хиромаса, ты делаешь успехи! Уже и танские стихи разучиваешь. Глядишь, скоро начнёшь слагать изящные песни-вака и посылать их девицам из знатных домов.

— Вечно ты так! — обиженно надулся Хиромаса. — Я ведь старался только потому, что думал, тебе понравится! А ты опять надо мной подшучиваешь. Ну и ладно, вообще ничего читать не стану!

— Опять дуешься? — лениво усмехнулся Сэймэй. — Если не хочешь читать мне, ступай во дворец и найди какую-нибудь юную принцессу. А я, пожалуй, вздремну.

Он поудобнее устроился на циновках и прикрыл глаза, делая вид, что засыпает.

— Ах так! Не хочешь слушать? А я всё равно прочту! Назло тебе!

Осушив чарку до дна, Хиромаса приосанился и звучным, глубоким голосом запел:

«Среди цветов поставил я кувшин,

Пью в тишине, и нет друзей со мной.

Но чашу поднял я — и в этот миг

Позвал луну и тень свою из тьмы.

И стало трое нас. Пускай луна

Не пьёт вина, а тень лишь вслед скользит —

Я разделю веселье с ними вновь,

Пока весна цветущая царит.

Пою — луна колеблется в вышине,

Танцую — тень ломается моя.

Пока мы трезвы — делим радость встреч,

А захмелев — расходимся, любя.

Навек скрепим наш беспристрастный круг,

Чтоб встретиться у Млечного Пути».

Сэймэй внезапно распахнул глаза и рывком сел.

— Хиромаса... Ты просто невероятен! Спасибо тебе. Наконец-то я всё понял.

— Что? — хлопнул глазами тот. — О чём ты вообще говоришь, Сэймэй?

Сэймэй прикрыл лицо веером-летучей мышью и загадочно усмехнулся:

— Да так, пустяки. Кое-что пришло мне на ум.

— И что же? — не унимался Хиромаса.

— Тебе всё равно не понять.

Он вновь откинулся назад, глядя на звёздное небо.

«Так вот какую „пустоту“ оставила в моём сердце принцесса Мёки, — безмолвно рассуждал он.
— Эта пустота — её тень, подобная цветам в зеркале или отражению луны в воде. Лишь призрачный образ, лишённый плоти. Неужели она просто не желала быть забытой? Глупенькая... Твой образ навеки запечатлён в моей душе, как я могу его забыть?»

Очнувшись от своих мыслей, Сэймэй скользнул взглядом по надувшемуся Хиромасе и не смог сдержать мягкой улыбки.

— Послушай, ворчун, — окликнул он друга. — Неужели ты откажешься выпить с человеком, который столько раз спасал твою шкуру?

Хиромаса шутливо метнул в его сторону недовольный взгляд, но, заметив тёплую усмешку на губах онмёдзи, тут же оттаял и широко улыбнулся.

— Ладно уж! Наливай, Сэймэй! Будем пить, пока ноги держат!

— Смелое заявление, — рассмеялся Сэймэй. — Но учти, мы у меня дома. Уж не собираешься ли ты прикрыться хмелем, чтобы заночевать здесь?

Хиромаса мгновенно густо покраснел и смущённо опустил голову.

Сэймэй же, глядя на его замешательство, повалился на бок и весело расхохотался.

Поняв, что его снова бессовестно разыграли, Хиромаса стиснул зубы и в сердцах воскликнул:

— Сэймэй!

В этот миг пронёсся лёгкий ночной ветерок, и старая вишня в саду отозвалась тихим шелестом, осыпав галерею дождём нежно-розовых лепестков.

Сэймэй замер, зачарованный этой безмолвной красотой. Хмель уже мягко туманил его разум, пока он провожал взглядом кружащиеся лепестки.

Едва слышный вздох ветра чудился ему нежной мелодией нефритовой флейты, а кружение цветов напоминало грациозные движения принцессы Юймёя, исполняющей Танец радужной и перьевой одежды.

Хиромаса тепло посмотрел на друга.

— Сэймэй...

— М-м? — отозвался тот, не отрывая взора от падающих цветов.

— Как думаешь... Ведь принцесса Мёки действительно не умерла? Она просто обратилась прекрасной небесной девой, верно?

— Да, — негромко кивнул Сэймэй.

Хиромаса помедлил, словно подбирая слова, а затем осторожно спросил:

— Сэймэй... А ты? Неужели наступит день, когда и ты, подобно принцессе, отречёшься от мира и унесёшься в небесные выси?

Сэймэй повернулся к другу и тихонько рассмеялся:

— Кто знает... Если здесь у меня не останется верных собутыльников, мне придётся подняться на небеса и пить со старыми бессмертными.

Хиромаса вновь густо покраснел. Он крепко ухватился за широкий рукав Сэймэя и горячо возразил:

— Не смей, Сэймэй! Слышать ничего не хочу! Никаких других собутыльников! Но... если ты всё же решишь уйти, то забирай меня с собой. Без меня тебе туда дороги нет!

Сэймэй посмотрел на его решительное, раскрасневшееся лицо и залился весёлым, искренним смехом.

Хиромаса растерянно почесал затылок и, не выдержав, тоже заулыбался, вторя его безудержному веселью.

Мицумуси, наблюдавшая за ними из тени, тихонько прикрыла рот ладонью, посмеиваясь вместе с ними.

А над Хэйан-кё кружились лепестки цветущей сакуры, уносясь ввысь вместе с их звонкими, искренними голосами, согревая холодную весеннюю ночь теплом настоящей, неразрывной дружбы.

<http://bllate.org/book/20464/2167974>